

ЗВЕРИ- ВОИТЕЛИ

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

ШЕННОН ХЕЙЛ

Шеннон Хейл

Лед и пламень

Серия «Звери-воители», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/12084690>

Лед и пламень: повесть / Шеннон Хейл; пер. с англ. А. Щербаковой.:

АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-092675-6

Аннотация

Приключения отважных друзей Конора, Абеке, Мейлин и Ролдана продолжают в четвертой книге саги о бесстрашных воинах и их зверях-воителях. В этот раз путь друзей лежит на север, в царство вечного холода, которое хранит множество тайн. Только они способны победить захватчиков и уничтожить зло. Но захватчики вдут следом... Шеннон Хейл – автор бестселлеров Ever After High – не устает поражать читателей своими захватывающими сюжетными поворотами в саге о зверях-воителях!

Содержание

Гератон	6
Кража	10
Саамы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Шеннон Хейл

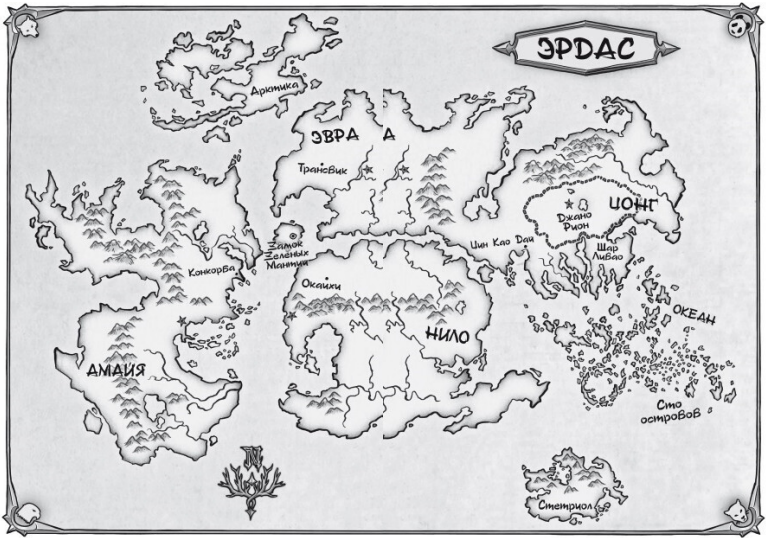
Лед и пламень

*Моему брату Джесефу, который однажды сказал
мне, что его духом зверя был бегемот.
Ш. Х.*

Перевод с английского Алёны Щербаковой

Copyright © 2013 by Scholastic Inc, 557 Broadway, New York, NY 10012, USA SCHOLASTIC, SPIRIT ANIMALS and associated logos are trademarks and/or registered trademarks of Scholastic Inc.

ЭРДАС

Арктика

ЭВРА

Трансвис

Конкорва

Эльдон
Эльвийх
Минем

Окейи

АМАИЯ

НИЛО

ЦОНГ

Джайо
Рдон

Шан
Либао

Шан Кло Даи

ОКЕАН

Стю
островов

Стетриал

Гератон

Гератон ползла по земле. Ее черная, плотная чешуя, словно железная кольчуга, шуршала о песчаник. Гератон попробовала воздух на вкус. Кончик ее хвоста игриво пощелкивал. Жизнь! Гератон наслаждалась ею, когда ползла по земле и чувствовала ее под собой. Жизнь – это биение пульса, сокращение мышц, дрожь, дыхание. Жизнь – это движение.

Высунув язык, Гератон учуяла запах человека, который принес ветер. Больше жизни! Она пока не была голодна. Кругом было полно еды: мимо нее, трепеща от страха, проносились стада животных, но далеко им было не убежать.

Всякий раз, когда ей хотелось перекусить, она просто вытягивала свою длинную шею и ловила кенгуру или дикую собаку. С тех пор как она сбежала, она не ведала голода. И все же ее переполняло желание хватать всех, в ком бьется пульс, и душить.

И Гератон, дрожа от предвкушения, поползла к этому человеку. Разумеется, она умела двигаться почти бесшумно, но ей это было ни к чему. Разве можно убежать от двухтонной кобры?

Однако человек и правда попытался убежать; когда он, обернувшись, посмотрел на нее выпученными от страха глазами, она увидела, что он совсем еще юнец и лицо у него детское. Гератон зашипела, словно хихикнув от радости, и поползла к нему, ощущая, как напрягаются мышцы ее длинного сильного тела. Она расправила элегантный капюшон на шее, свернулась кольцом и набросилась на юношу.

Жизнь! Его жизнь трепетала и билась между ее челюстями, его сердце бешено стучало у нее под языком. Когда она впиалась ему в спину своими клыками, а ее густой, черный яд просочился в его тело, он страшно закричал. Сердце его стало послушно качать яд, яд смешался с кровью и проник в каждую клеточку его тела. Юноша дернулся раз, другой – и обмяк. Но когда Гератон заглатывала его целиком, мало-помалу проталкивая через нежный розовый рот во мрак своего чрева, сердце его по-прежнему слабо билось.

Свернувшись кольцом, Гератон устроилась на горячем ко-

ралловом песке, наслаждаясь тем, что внутри нее бьется еще одно сердце, что в ней медленно умирает живое создание.

Теперь Гератон со смехом вспоминала, как веками сидела в заточении и кипела от ярости: каменные стены сковывали ее тело и, казалось, хотели раздавить. Но тем слаще ей теперь было на воле.

От обильной свежей пищи и теплого солнца у Гератон закружилась голова. Ей захотелось побаловаться. Еда в нее больше не влезет, но жажда жизни требовала чего-то еще.

Гератон погрузилась в свои мысли, и ее желтые глаза побелели. Перед ними вспыхнули белые точки: каждая олицетворяла человека, и Гератон знала их, как пастух знает своих овец.

Гератон выбрала спящего – так проще пробраться в его сознание. Это была женщина, пожилая по человеческим меркам, и жила она далеко – в Нило. Словно песок, заполняющий сосуд, Гератон мысленно проскользнула в сознание женщины. Заставила ее подняться с постели, выйти из маленького домика и оглядеться. Ночь в Нило была теплая и светлая, воздух благоухал жасмином. Гератон почти слышала, как шелестит сухая трава под босыми ногами у женщины: она ступала по земле, не остывшей после дневной жары.

Глазами женщины Гератон увидела впереди утес и направила к нему свою жертву: быстрее, быстрее, а теперь беги! Женщина вздрогнула, словно пытаясь пробудиться.

Гератон радостно зашипела. Жизнь – это движение. Она

подвела женщину к самому краю и бросилась с ней вниз, но за миг до того, как та рухнула на дно ущелья, покинула ее сознание.

Пожалуй, это напрасная жертва, ведь у Гератон другие планы на будущее. Тем не менее нужно сперва собрать все талисманы, а между делом Великому Зверю можно и поиграть.

Высунув язык, она попробовала ветер на вкус. Улыбка не сходила с ее чешуйчатого рта.

Кража

Южный ветер дул Мейлин в спину, словно подгоняя вперед. Но понуждать ее было ни к чему. С недавних пор в ней полыхало пламя и не давало останавливаться. Другие порой жаловались, что их путешествию нет конца и края, что через Цонг, а теперь и через Северную Эвру они идут слишком быстро, но Мейлин считала, что они ползут, как черепахи.

Солнце вспыхнуло на глади реки у дороги, Мейлин зажмурилась. И как обычно, стоило ей только сомкнуть веки, перед глазами возникли все те же образы: огромный крокодил – отверстая пасть, глаза черней ночи. И ее недвижимый

отец. Он умер.

Мейлин распахнула глаза и ударила пятками лошадь, пуская ее рысью.

Ветер переменялся. Теперь он дул ей в лицо с северо-запада. Она потеряла озябшие руки, пытаясь согреться.

– Еще похолодает, – заметил Роллан, поравнявшись с ней.
– Так холодно будет, что нос в ледышку превратится, и ноги отморозим.

– Да уж, – сказала Мейлин.

– Видал я однажды, как один беспризорник, мерзавец тот еще, подговорил богатенького мальчонку лютой зимой лизнуть фонарный столб. Железный. У бедняги язык прямо намертво прилип к железяке, а этот гаденыш снял с него пальто с башмаками и был таков.

– Да ладно! – не поверила Мейлин.

– Вот тебе и ладно, госпожа моя панда!

– Надеюсь, имя беспризорника из твоей истории начинается не на «р» и заканчивается не на «н»?

– Конечно, нет! Я вором никогда не был. А рассказал тебе это, потому что у тебя есть дурная привычка лизать всякие фонарные столбы. Теперь будешь знать, чем такое кончается.

Мейлин слабо улыбнулась. После битвы в храме Динеша Роллан проводил с ней много времени и частенько травил ей всякие байки. Так он пытался отвлечь ее от горестных мыслей. Талисман Священного слона достался им самой доро-

гой ценой. Мейлин в одиночку придумала план и наконец-то нашла своего отца – он был предводителем восстания в Великом бамбуковом лабиринте Цонга. Нашла – и сразу потеряла: его убили прямо у нее на глазах. Сперва Мейлин ощутила... спокойствие. Оцепенение. В душе у нее поселилась такая пустота, словно ничего в ней больше не осталось. Но потом мало-помалу в сердце стало разгораться пламя. Пылающий огонь напомнил, что Пожиратель до сих пор бродит где-то на воле и убивает. Жалости и глупым шуткам не погасить этого пламени. Мейлин снова подбила лошадь, пустив ее галопом.

– Впереди перепутье, – сказал Тарик. – Давайте остановимся на ночлег.

– Но еще светло, – возразила Мейлин.

– На перепутье река уходит от дороги, а нам надо напоить лошадей перед тем, как отправиться на север.

Мейлин хотела было возмутиться, но Тарик снова смотрел на нее с пониманием и сочувствием. Джи тоже частенько глядела на нее таким жалостливым взглядом, поэтому-то Мейлин старалась лишний раз не тревожить панду. Сил больше не было терпеть эту жалость. Пусть только еще кто-нибудь попробует посмотреть на нее с жалостью – она ему...

– Мейлин? – окликнула ее Абеке.

– Чего тебе? – вскинулась Мейлин.

– Э... – Абеке аж отпрянула. – Э-э, я просто хотела спросить, пойдешь со мной хворост собирать?

– Пойду, – нехотя согласилась Мейлин.

На равнине вокруг перепутья яблоку негде было упасть: странники и торговые караваны разбивали лагерь и устраивались на ночлег. Путь пролегал по травянистым равнинам Северной Эвры. До Глендавина, где жил Финн, было очень далеко, но в кои-то веки дорога оказалась тихой и безопасной. Здесь встретились даже бродячие менестрели: мужчина играл на лютне, а женщина в голубой вуали напевала себе под нос, словно разучивала песню, готовясь к представлению.

Собирая хворост и прибитые к берегу ветки, Абеке молчала. Вот и хорошо. В тишине Мейлин было проще сосредоточиться на бушующем в сердце пламени: словно стрела, нацеленная в мишень – Пожирателя, – она стремилась настичь его.

С охапками хвороста девочки вернулись туда, где Тарик, Роллан и Конон распрягали лошадей. Рыжеволосая эвранка Майя, из Зеленых Мантий, раскладывала в круг камни для костра. Тарик попросил ее отправиться на Север вместе с ними. Майя была постарше Мейлин, но ее бледное личико, обрамленное копной рыжих кудрей, выглядело совсем детским.

Майя засучила рукав своего пурпурного свитера, обнажив маленькую татуировку в виде ящерицы на предплечье. Вспыхнув огнем, саламандра пробудилась и перебралась к ней на плечо. Черная, с ярко-желтыми пятнами по всему тельцу, са-

ламандра была такой крошечной, что легко умещалась на ладони. Мейлин грустно улыбнулась Майе: наверняка она тоже недовольна своим духом зверя, как Мейлин – своей пандой. Вряд ли от саламандры есть толк в бою.

Девочки положили дрова на землю, и Абеке бросила несколько веток в углубление для костра. Мейлин собралась было сделать ей замечание: чтобы развести огонь, сперва нужно поджечь прутики потоньше, и только потом... Но тут Майя подняла руку, и над ладонью у нее вспыхнул огненный шар. Она дунула на него – он метнулся к веткам, и пламя мгновенно охватило всю вязанку хвороста.

– Ого! – поразились Мейлин.

– А ты разве не видела этот Майин фокус? – спросил Корнор.

Мейлин покачала головой.

– Воин из меня никудышный, – широко улыбнулась Майя. – Я овладела в совершенстве только этим вот фокусом, и все.

– Он нам очень пригодится на ледяном Севере, – заметил Тарик.

Мимо них прошла певица в вуали: они с менестрелем шли к реке.

– Вы держите путь на север? – поинтересовалась женщина. – Но зачем? К северу отсюда ничего нет – только лютый-лютый холод.

– А еще моржи, – вставил Роллан. – Страсть как хочу увидеть моржей. Если, конечно, они правда существуют.

– Я же тебе говорил, Роллан, они существуют, – напомнил Тарик. – Я их видел.

– Слонов безногих с плавниками видел? Вот увижу сам, тогда поверю.

– Мы идем в город саамов, – сказала Абеке менестрелям.
– Вы там бывали?

– А, город саамов, – кивнул лютнист. – Я и позабыл, что отсюда до Арктики есть еще какие-то города. Да и кто туда пойдет...

– Как-то раз, много лет назад, мы пытались туда попасть, верно, любимый? – Женщина в вуали взяла своего спутника за руку и обошла кругом. – Торговцы нас предупредили, что саамы гостей не жалуют. А мы им и говорим: но уж по развлечениям-то они наверняка истосковались? Вот мы и отправились в путь...

– И что вы думаете? – подхватил мужчина. – Даже за городские ворота нас не пустили.

Он сыграл аккорд на лютне, словно подытожив свой рассказ. И пара, пританцовывая, ушла.

– Как же они без торговцев?.. – спросила Абеке. Ураза, лежавшая подле нее, потянулась, и Абеке задумчиво погладила леопарда по голове, отчего тот утробно замурлыкал. – У меня в деревне не было ничего из железа: ни горшков, ни кастрюль, ни лопат – вообще ничего. Все это привозили торговцы. Если мы прикупим здесь всякой железной утвари и привезем саамам, быть может, они пустят нас в свой город?

Тарик кивнул:

– Хорошо придумала.

Он достал из своего кошелька несколько монет и отдал Абеке. Она сразу отправилась за подношениями, Ураза, неслышно ступая, пошла за ней.

Через несколько минут до Мейлин донеслись гневные вопли с другого конца лагеря.

Она встала и подняла было руку, чтобы вызвать Джи, но в последний миг все-таки сдержалась.

– Абеке с Уразой еще там? – спросила Мейлин.

– Жди здесь, – велел ей Тарик и побежал на шум.

Но в Мейлин полыхало пламя, на месте ей не сиделось. Она бросилась за Тариком, а за ней увязался и Роллан. Приглядывать за костром и вещами остались Конор и Майя.

Посреди лагеря по земле катались двое мужчин: они ожесточенно дрались, а один таскал другого за волосы. Выдра Люмио, дух зверя Тарика, сидела у него на плече. Силы Тарика возросли, и он легко, как выдра ныряет в воду, кинулся в гущу драки и разнял мужчин.

– Довольно! – воскликнул Тарик; свист и крики мигом стихли. – В чем тут дело?

– Он меня обокрал! – заявил лысый толстяк. У него шла носом кровь, рубаха была вся изодрана. – Я много лет откладывал – здесь одну монетку приберегу, там другую. И столько уже скопил, что еще чуть-чуть – и забрал бы матушку из ее вшивого городишки да прикупил бы ей ферму за городом.

Всего-то чутка не хватало! А он взял да и срезал у меня кошель с пояса!

Он приподнял край рубахи, демонстрируя обрезанные концы двух кожаных ремешков у себя на поясе.

– Говорю тебе, не я это! – возразил другой. – Я же с тобой много лет путешествую, Билл. С чего бы мне красть у тебя?

– Не знаю! Но про деньги я рассказывал только тебе, и если не ты их взял, то кто же? – вопрошал Билл. Он снова плюхнулся на землю, закрыл лицо руками и разрыдался. – Я столько копил...

– Господин, ваш друг говорит правду, – сказал Роллан. – Не крал он у вас.

Мейлин взглянула на Роллана. Неподалеку в небе кружила Эссикс. Раньше, чтобы интуиция у Роллана обострилась, ему приходилось дотрагиваться до птицы. Видимо, теперь связь между ястребом и мальчиком наконец упрочилась, и птица помогала ему силой мысли.

Мужчина по имени Билл поднял взгляд, его грязное лицо исказила гримаса отчаяния.

– Но кто тогда?

Роллан окинул взглядом толпу торговцев, музыкантов и странников, собравшихся поглазеть на драку. Всем было любопытно узнать, кто же вор. В лагере воцарилась тишина.

Взгляд Роллана остановился на долговязом юнце в белой накрахмаленной рубашке и с шейным платком: повернувшись к толпе спиной, он осматривал колесо телеги. Роллан

нахмурился.

– Я бы вон того щеголя проверил, – кивнул на него Роллан.

Тарик схватил юношу за руки и завел их ему за спину.

– Ты чего делаешь? – завопил щеголь.

– Колесо это, конечно, очень занятное, – сказал Роллан, – но уж, наверно, не настолько, чтобы не заметить потасовку в лагере? Или ты пытаешься не привлекать к себе внимания?

Мейлин вместе с одним торговцем обыскали юношу. В сапоге у него Мейлин нащупала какую-то выпуклость, просунула руку в голенище и достала увесистый кожаный мешочек с монетами; завязки были обрезаны. Она бросила кошель Роллану.

Юноша стал вырываться, извергая проклятия. Мейлин сжала кулаки. Пламя в ней вспыхнуло – того гляди, сожжет изнутри, если она не нанесет удар, не сотрет с лица земли Пожирателя и его приспешников. А пока, пожалуй, и этот воришка сойдет. Но Тарик держал его крепко, и Мейлин выдохнула, разжав кулаки.

Роллан приложил мешочек к поясу Билла и сравнил обрезанные ремешки.

– Мне кажется, один в один, – сказал Роллан и вернул кошель хозяину.

– Спасибо, – благодарно прошептал Билл, прижимая пропажу к груди.

– На предыдущем перепутье тоже кого-то ограбили, – сказала пожилая женщина в одежде для верховой езды, с за-

бранными назад седыми волосами. – Это тоже твоих рук дело, Джерек?

Человек, которого она назвала Джереком, все извивался в железной хватке Тарика.

– У торговцев есть кодекс чести! – сказала женщина. – Ты его нарушил. Отныне ты изгнан из этого каравана и тебе запрещается вести торговлю на Севере.

Джерек хотел было возразить, но с десяток торговцев встали у женщины за спиной – одни скрестили руки на груди, другие достали оружие. Тарик отпустил вора. Джерек чертыхнулся, схватил из телеги узелок и убежал прочь.

Когда Мейлин и Роллан пошли в свой лагерь, Билл и его друг пожимали друг другу руки.

– Грабеж и потасовка в лагере – самое то, чтобы нагулять аппетит перед ужином, – сказал Роллан.

Мейлин замедлила шаг и поравнялась с ним. Она открыла было рот, чтобы ответить что-нибудь остроумное: тогда Роллан рассмеется или подколет ее, и у них завяжется разговор, который затянется на несколько часов кряду. Но язык словно отнялся – в горле пекло от волнения и тревоги. Мейлин ускорила шаг, обогнав Роллана, и направилась к их лагерю.

Впереди она увидела Конора: он лежал, прислонившись спиной к своему волку Бриггану, и гладил его по голове. Майя, лежа на животе, держала на ладони свою огненную саламандру Тини и серьезно с ней беседовала.

Все Зеленые Мантии разговаривали со своими духами

зверей, но Майя-то оживленно общалась с нарисованной ящерицей! Возможно, она сошла с ума, но по ней не поймешь – настолько она спокойная и умиротворенная. Чего не скажешь о Мейлин.

Вдруг Джи поможет... нет! Мейлин сжала кулаки, отгоняя непрошеную мысль. Да, Джи ее точно успокоит. Но Мейлин не хотела покоя. Она хотела сражаться! Пламя в ней разгорелось еще горячее, опалая грудь и горло. Мейлин зажмурилась, чтобы не заплакать, и снова увидела все тот же образ: ее недвижимый отец, глаза его померкли.

Горло сжалось от подступивших рыданий. Мейлин открыла глаза и высвободила Джи.

Панда опустилась на землю, обернулась и посмотрела на Мейлин. Выглядела Джи, как всегда думала девочка, просто уморительно: тело белое, а лапки черные, будто на них не хватило краски, глаза, обведенные черным, как бы опущены вниз, словно ей грустно. Все в этом зверьке было округло – ее так и хотелось обнять. Мейлин собралась было снова рассердиться, что ее дух зверя не свирепый хищник, всегда готовый к бою, а безобидная панда.

Но Джи настойчиво смотрела на нее своими серебристыми глазами. Мейлин встретила с ней взглядом, вдохнула – и внезапно все вокруг словно замедлилось.

Мейлин чувствовала, что ветер холодит ей руки, видела, что над головой раскинулось бархатно-синее вечернее небо. Шум распался на отдельные звуки, и она легко отделяла го-

лоса от журчания воды в реке. Слышно было даже разговоры в лагере, шаги Роллана за спиной, а вслед за ними – чью-то быструю поступь, скорее даже бег.

Мейлин обернулась. На самом деле время не замедлилось. Это она, окутанная покоем Джи, так остро ощущала каждое мгновение, что все будто придержало ход.

Роллан улыбнулся ей.

– Что? – спросил он.

Роллан не видел, что его нагоняет Джерек с длинным изогнутым ножом в руке. Он метил прямо Роллану в спину.

– Роллан! – закричала Мейлин.

Спокойствие, исходящее от Джи, до сих пор ее обволакивало. Роллан не успел даже оглянуться – Мейлин уже нашла под ногой камень, подкинула сапогом, поймала и швырнула, попав Джереку в плечо.

Ошарашенный, Роллан попятился, едва не напоровшись на нож Джерека. Но Мейлин уже бежала вперед. Оставшееся расстояние она буквально пролетела, врезавшись в Джерека и сбив его с ног. По тому, как он двигался, она заметила, что сражаться его не учили – зато он кипел от злости и размахивал огромным ножом. И так просто он не сдастся.

Он замахнулся. Нож медленно приближался к шее Мейлин, и она будто увидела траекторию его движения, словно ее начертили в воздухе. Пригнувшись, она легко увернулась и врезала Джереку по почкам. Он сложился пополам, а потом снова замахнулся.

Теперь она ударила его в грудь, а потом под дых, затем резко стукнула по руке ребром ладони. Он выронил нож. Держась за свое запястье, он в страхе смотрел на нее. Потом развернулся и убежал прочь.

Роллан глядел на нее в полном изумлении. Волна спокойствия, исходившая от Джи, рассеялась, и время снова устремилось вперед в привычном темпе.

– Ты так быстро двигалась, – заговорил Роллан. – Как ты так сумела?

– Я и не чувствовала скорости, – ответила Мейлин. – Все вокруг словно замедлилось.

Роллан нахмурился.

– Прости, Роллан, – сказала Мейлин. – Ты, верно, думаешь, что я властная и напористая, и ты бы сам с ним справился, и мне не надо вечно лезть куда не просят, и...

– Мейлин! – перебил ее Роллан, и она вдруг осознала, что он уже несколько раз повторил ее имя. – Спасибо тебе, Мейлин.

– Не за что, – ответила она и развернулась, чтобы уйти.

– Нет, я правда тебе благодарен. – Роллан замялся. – Я... когда я был беспризорником, я всегда был членом банды, но если бы кому-то из наших пришлось выбирать между мной и горячей едой... в общем, я заранее знал, что он выберет. Но с тобой... со всеми вами я впервые... То есть я пытаюсь сказать, что доверяю тебе. И для меня это много значит.

И он улыбнулся той роллановой улыбкой, которую она уже

так хорошо знала. Сначала для нее он был просто мальчишкой-сиротой. Но теперь она сама осиротела: мать умерла при родах, отца убил Пожиратель. У нее не было родного дома, ей некуда было пойти, она просто пыталась выжить. Куда больше похожа на него, чем думала. Взгляд его карих глаз согревал, смуглая кожа, покрытая грязью, и широкое лицо казались до боли родными. И в этой бездне отчаяния, наполнявшей все ее существо после смерти отца, затеплился крохотный проблеск надежды.

И тут Роллан взял ее за руку. Пальцы его были теплыми. У Мейлин ни разу в жизни так громко не стучало сердце.

Саамы

Мало-помалу дорога в город саамов превратилась в едва заметную колею. Твердокаменная земля сплошь заросла травой и колючим кустарником. Если бы не карта Тарика с верным направлением, Конор засомневался бы, что они не заблудились.

Селения еще было не видать, но Конор заметил стадо оленей карибу. Серые с огромными ветвистыми рогами, эти животные мирно паслись на зеленом лугу, а за ними присматривали...

– Пастухи! – воскликнул Конор. – Ну, или оленепасы. Хо-

чу с ними словечком перекинуться.

– Ага, давай, – с иронией сказал Роллан. – Только это... не отдавай им Священного слона или Гранитного барана. Если, конечно, сможешь удержаться.

– Роллан, – тихо пробормотал Тарик. Роллан равнодушно пожал плечами, не обратив внимания на упрек в голосе Тарика.

Конор расстроился. Ну он и глупец! Надеялся, что друзья простили его за то, что он отдал их врагу талисман Железного кабана в обмен на безопасность своей семьи. Как бы не так – не простили и не забыли.

Конор притворился, что не слышал слов Роллана, и направился к двум юным пастухам. Они сидели на траве под сенью дерева, возле которого росли розовые и лиловые люпины, и болтали.

В путешествие по Эвре Конор взял с собой пастуший посох. Толстый деревянный посох удобно лежал в руке, а его тяжесть казалась ему привычной и знакомой – как запах сосновой смолы и дров, потрескивающих в домашнем очаге, и хлеба, испеченного его матерью. После страшной битвы в Цонге и неудачи с талисманом Железного кабана посох стал для него неким утешением, пусть он и не будет никогда пасти с ним овец.

Однако сейчас он высоко поднял посох, чтобы приветствовать пастухов, как полагается.

И ждал, что они тоже помашут ему, поздороваются, воз-

можно, даже предложат посидеть с ними в тенишке. Вместо этого они вскочили и настороженно уставились на него. Оба были белокурые и красивые и выглядели не старше двадцати. Темно-синие рубашки и коричневые брюки, очень чистые, словно совсем не ношенные, сидели как влитые на их подтянутых фигурах. Пастухи так опрятно не одеваются, Кононор знал это наверняка.

– Здравствуйте! – обратился он к ним. – Меня Кононор зовут, я тоже пастух. Вернее, был пастухом, пока не присоединился к своим друзьям из Зеленых Мантий. Моя семья разводила овец в Центральной Эвре. А вы оленей пасете? Никогда не видал стада одомашненных оленей.

– Мы не пускаем никого в город саамов, – сказал один.

– Никогда, – вторил другой.

– Да мы совсем ненадолго, – улыбнулся Кононор. – А овец вы разводите? Или только оленей?

Пастухи переглянулись, но ничего не ответили.

Кононор знал, что его друзья наблюдают за ним и ждут, что он расположит к себе этих чужаков, поскольку он сам пастух. Кононор вздохнул про себя, но решил не отступать.

Хотя пастухи словно воды в рот набрали, Кононор разглагольствовал о разных породах овец, расспрашивал о кормлении оленей карибу и времени их сна.

Вдруг Кононор наметанным глазом заметил какое-то движение в ельнике, окаймляющем луг, – там мелькали тени и блестяли чьи-то глаза.

– Это... – начал было Конор, махнув рукой в ту сторону, но пастухи уже сами смотрели туда, прищурившись.

– Ох, только не это, они вернулись, – сказал один.

Юноши засвистели, отчаянно подзывая свое стадо. Олени испугались и бросились бежать подальше от леса.

Из ельника вышли тени – пятеро коричневых волков. Косматые тощие зверюги побежали к одному из оленей, а потом разделились, чтобы окружить его со всех сторон.

– Бригган! – засучив рукав, выкрикнул Конор. В предплечье вспыхнула боль, мгновение – и огромный серый волк пробудился и спрыгнул на землю.

– Там стая. Они охотятся на оленей вот этих пастухов.

Бригган завыл. Стая резко остановилась, и один из волков провыл что-то в ответ. Бригган завыл снова. Волки, казалось, задумались, но потом вожак стаи, взвизгнув, возобновил охоту, и остальные побежали за ним. Бригган зарычал и бросился следом. Конор поразился и испугался того, с какой скоростью волк кинулся наперерез стае, не дав ей добежать до оленей. Потом он прыгнул на вожака, схватив его зубами за холку, и они кубарем покатались по траве. Расцепились и припали к земле, рыча и скалясь.

Остальные волки из стаи окружали Бриггана – пятеро на одного. Конор побежал ближе к волкам; поскольку Бригган был на воле, скорость Конора возросла. Когда он мчался вперед, сжимая в руке свой посох, он ощущал небывалую силу в ногах, трава приминалась под его размашистыми шагами.

Сердце бешено колотилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.